

Эволюция категории «правонарушение» с IX по XVI вв.

Аннотация. В статье исследуется процесс эволюции таких важнейших аспектов категории правонарушения, как понятие правонарушения, виды правонарушений и состав правонарушения с IX по XVI вв. в контексте важнейших памятников права указанного исторического периода — Русской Правды, Псковской судной грамоты и Судебников Московского государства.

Ключевые слова. Понятие правонарушения, виды правонарушений, субъект правонарушения, субъективная сторона правонарушения, объективная сторона правонарушения, объект правонарушения.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.69.8.035-043

Категория «правонарушение» претерпела серьезные изменения за период с IX по XVI века. Эти изменения коснулись различных аспектов феномена правонарушения: изменялись трактовки понятия правонарушения, по мере развития законодательства и правоприменительной практики выделялись и расширялись отдельные виды правонарушений, а также оформлялись юридические элементы состава правонарушения. Начать рассмотрение процесса эволюции категории «правонарушение» целесообразно с Русской Правды как первого письменного правового источника, закрепившего указанную категорию.

Русская Правда представляет собой классический пример типичного кодекса эпохи раннего феодализма: нормы права изложены в ней без четкой системы, казуально, открыто определены привилегии господствующего класса и неравное положение зависимых сословий.

Нормы Русской Правды имели достаточно прогрессивное содержание для того времени. Так, закреплялись некоторые виды граждан-

ско-правовых договоров, существенное внимание уделялось наследственному праву. Однако большая часть норм Русской Правды были посвящены уголовному праву и процессу, что в целом характерно для правовых памятников эпохи раннего феодализма. Ввиду этого обстоятельства большой интерес для исследования представляет категория «правонарушение» по Русской Правде.

На языке Русской Правды преступление — это обида, т.е. причинение материального, физического или морального ущерба определенному лицу или лицам. Таким образом, в отличие от современности, законодатель того времени еще не трактовал преступление как общественно опасное деяние. При этом церковные уставы, номоканон знали другое понятие преступления — «грех».

Вместе с тем общепринятая точка зрения на преступления как на обиду в Русской Правде не представляется бесспорной, так как, например, в случае причинения телесных повреждений виновный не только возмещал причиненный

© Егоров А. А., 2016

* Егоров Александр Александрович, аспирант кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Egorov.a90@mail.ru

123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ущерб потерпевшему, но и выплачивал штраф в пользу князя. Таким образом, утверждение о сугубо частноправовом характере правонарушения нельзя считать универсальной характеристикой древнерусского права.

Большинство ученых сходятся во мнении, что по Русской Правде независимо от того, на что посягает виновный — на личность или имущество данное деяние обозначается как «обида». Все это свидетельствует о частноправовой трактовке законодателем понятия «правонарушение».

Некоторые ученые оспаривают только частноправовой взгляд на «обиду», поскольку деяние, хоть и оценивается по количеству вреда, нанесенного частному лицу, но оценка данных преступлений, штраф за них берется исключительно в пользу общественной власти¹. Интересно мнение Н. Н. Максимейко, который считает обиду лишь составной частью преступления. Причем обида, по его мнению, отображает не материальный вред, а «идеальный нравственный момент»².

Д. Я. Самоквасов рассматривает преступление по Русской Правде как «деяние, приносящее тройкий вред в обществе: нарушение закона, нарушение права частного лица и затрату труда на восстановление нарушенного права»³.

Представляется наиболее убедительной точка зрения Д. Я. Самоквасова, так как: с одной стороны, само совершение преступления, несомненно, нарушает требования закона, с другой стороны, преступление нарушает права частного лица в силу того, что Русская Правда трактует преступление в контексте причинения вреда отдельному лицу, и в то же время виновный в совершении преступления по Русской Правде выплачивал определенный штраф, т.е. восстанавливал нарушенное право.

Важный вопрос в Русской Правде представляет разграничение преступлений и гражданских правонарушений. Как справедливо пишет Р. Л. Хачатуров: «Следует заметить, что ни

в исторической, ни в правовой литературе исследователи не обратили должного внимания на некоторые постановления Русской Правды, которые различали уголовные и гражданские правонарушения, уголовную и гражданско-правовую ответственность. Между тем такие различия имелись уже в Древнейшей Правде»⁴.

В современном мире общественные отношения постоянно усложняются и видоизменяются, что приводит к появлению огромного количества видов отраслевых правонарушений. Конечно, в Древнерусском государстве уровень развития общественных отношений был гораздо ниже, чем сейчас, тем не менее законодатель уже различал некоторые виды правонарушений.

Как справедливо отмечает Ю. П. Титов: «Русская Правда не знала понятия государственного преступления и не предусматривала наказаний за деяния, которые позднее так были названы»⁵. Это обстоятельство традиционно связывают с частноправовой трактовкой правонарушения законодателем Древнерусского государства.

Среди преступлений против личности особенно выделялось убийство. Краткая редакция Русской Правды признавала возможность кровной мести и только в случае отсутствия мстителей или нежелания родственников мстить за убийство устанавливала денежное взыскание⁶. Правда Ярославичей в связи с дальнейшим обострением классовой борьбы отменила обычай кровной мести, и ввела дифференцированные штрафы. Так, за убийство привилегированных людей устанавливался двойной уголовный штраф — 80 гривен, за свободных людей — 40 гривен (ст. 1 ПП)⁷, а за убийство лиц низших слоев общества — от 12 до 5 гривен.

Традиционно принято считать, что объектами преступного посягательства по Русской Правде являлись личность и имущество. Действительно, такой анализ можно сделать при изучении норм Русской Правды. Однако на

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб.-Киев, 1909. С. 311.

² *Максимейко Н. Н.* Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды. Харьков, 1914. С. 143.

³ *Самоквасов Д. Я.* Курс истории русского права. М., 1908. С. 401.

⁴ *Хачатуров Р. Л.* Русская Правда. Тольятти, 2002. С. 58.

⁵ *Титов Ю. П.* История государства и права России. М., 2012. С. 28.

⁶ *Греков Б. Д.* Правда Русская. М., 1947. С. 15.

⁷ *Греков Б. Д.* Указ. соч. С. 241.

практике, несомненно, имели место быть преступления против нравственности, которые подлежали юрисдикции церковной власти.

А. Н. Федорова справедливо проводит параллель между этой группой правонарушений и системой правонарушений, предусмотренной в Русской Правде, и считает, что они взаимно дополняют друг друга, образуя единый комплекс правовых норм⁸.

Данная точка зрения не представляется бесспорной. Можно согласиться с тем, что эти нормы в правоприменительной практике Древнерусского государства дополняли друг друга. Однако в строгом юридическом смысле вряд ли их можно рассматривать как единый комплекс правовых норм, так как нормы права и религиозные нормы имеют различное происхождение, источники и разные способы обеспечения своего исполнения в обществе.

Русская Правда, являясь первым крупным правовым памятником раннего феодализма в нашей стране заложила ряд важнейших юридических основ Древнерусского государства: закрепление понятия «преступление», выделение отдельных видов преступлений, появление некоторых смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, формирование достаточно прогрессивной для того времени системы наказаний. Нормы Русской Правды определили векторы развития законодательства и правоприменительной практики Древнерусского государства на долгие годы. Однако усложнение общественных отношений, изменение структуры социальных слоев в обществе, начавшийся процесс постепенного обособления отдельных русских земель из-под влияния Киева, а также рост общей и правовой культуры Древнерусского государства привели к появлению другого уникального правового памятника — Псковской судной грамоты.

Псковская судная грамота сегодня представляет большой интерес для исследователей историко-правовой науки. Можно отметить

работы Ю. Г. Алексеева, М. Ф. Владимирского-Буданова, И. Д. Мартысевича, Н. П. Загоскина, И. А. Исаева и другие.

Особо стоит отметить точку зрения И. Е. Энгельмана, который считал, что Грамота «уже представляет нам зародыш того взгляда на преступление, который видит в нем более нарушение прав государственных, нежели частных, однако же при всем том большую часть преступлений она рассматривает как нарушения частного права, так что даже смертоубийство не подвергается по ней смертной казни, которая назначается единственно за тяжкое воровство, зажигательство и измену»⁹. Это очень важное наблюдение одного из первых исследователей Псковской судной грамоты. Он усматривал в установлениях Псковской судной грамоты наличие двух начал — публично-правового и частноправового. По его мнению, преобладало частноправовое начало. Данную точку зрения нельзя считать бесспорной, так как даже за нанесение побоев штраф взимался в пользу общественной власти, а не потерпевшего.

Для Псковской судной грамоты характерна большая системность в изложении нормативного материала, формулирование некоторых общих положений, общих понятий. Важно отметить значение Псковской судной грамоты как памятника русского литературного языка. Как справедливо пишет В. И. Собинникова: «Псковская судная грамота — замечательный памятник письменности, отражающий состояние русского литературного языка на грани древнерусского и старорусского периодов его развития (XV—XVI вв.)»¹⁰. Но следует отметить, что казуальность в изложении нормативного материала в целом не была преодолена¹¹.

Необходимо отметить, что Псковская судная грамота сделала большой шаг в развитии понятия «преступление». Теперь под преступлением понимается не только вред, причиненный отдельному человеку, но и государству в целом.

⁸ Федорова А. Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде : дис. ... к. ю. н. Тольятти, 2005. С. 134.

⁹ Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1855. С. 70.

¹⁰ Собинникова В. И. Псковская судная грамота — памятник русского литературного языка. Воронеж, 1990. С. 3.

¹¹ Титов Ю. П. Указ. соч. С. 47.

Данная новация, бесспорно, оказала огромное влияние на весь последующий процесс совершенствования и развития русского права.

Псковская судная грамота отражает новый этап эволюции понятия «правонарушение». Однако и к середине XV века псковское право не избавилось от сосуществования и взаимовлияния двух подходов к пониманию правонарушения — частногоправового и публично-правового. Это взаимное сосуществование можно проследить при анализе норм Псковской судной грамоты. Так, статья 97 Псковской судной грамоты говорит о распространении княжеской юрисдикции на преступления, совершаемые внутри семьи¹². Наряду с этим, в Псковской судной грамоте сохраняется архаичный частногоправовой взгляд на преступление. Например, статья 80 Псковской судной грамоты говорит, что стороны дела об избиении могут разрешить конфликт мирным путем, не обращаясь к судебным должностным лицам¹³.

Таким образом, однозначно утверждать о преобладании публично-правового начала над частногоправовым или, наоборот, не приходится ввиду недостаточного уровня развитости общественных отношений и правоприменительной практики.

По сравнению с Русской Правдой Псковская судная грамота внесла некоторые новации в виды правонарушений, которые следует отметить.

В связи с тем, что законодатель понимает преступление уже не только как причинение вреда отдельному лицу или лицам, но и государству, выделяются преступления против государства. Псковская судная грамота упоминала государственную измену, каравшуюся смертной казнью¹⁴. Появление преступлений против государства и наказания в виде смертной казни принято объяснять усилением классовой борьбы в исторических условиях политической раздробленности феодального общества.

Псковская судная грамота делает значительный шаг вперед в понимании субъективной стороны правонарушения. Обязательным элементом субъективной стороны признается вина, отсутствие которой исключает уголовно-правовую ответственность. Так, статья 3 Псковской судной грамоты ставила наступление ответственности в прямую зависимость от наличия вины правонарушителя¹⁵. Очень важно, что уже в то время законодатель однозначно понимал недопустимость привлечения к ответственности невиновного лица. Эта традиция сохраняется и превалирует не только в современном российском уголовном праве, но и в международно-правовых документах.

Анализ объективной стороны правонарушения по Псковской судной грамоте позволяет сделать вывод, что правонарушения совершались путем действия. В этом аспекте прослеживается отличие от Русской Правды, которая предусматривала ответственность за банкротство, возникшее по вине должника (ст. 54)¹⁶. Если Русская Правда делила преступления по степени реализации преступного умысла на оконченные и неоконченные, то для Псковской судной грамоты такое деление нехарактерно.

Говоря об объектах правонарушения, следует отметить, что если по Русской Правде ими были только личность и имущество, то в Псковской судной грамоте в связи с пониманием преступления уже как причинения вреда не только отдельным лицам, но и государству, можно выделить в качестве объектов правонарушения также порядок управления и осуществления правосудия.

Как справедливо пишет А. Н. Федорова: «Объектом правонарушения, по Псковской судной грамоте, являлись личные блага, в первую очередь жизнь и здоровье, имущество, в том числе и холопы, поскольку их продолжали приравнивать к вещам, личные нематериальные блага»¹⁷.

¹² Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 182.

¹³ Мартысевич И. Д. Указ. соч. С. 174.

¹⁴ Титов Ю. П. Указ. соч. С. 50.

¹⁵ Мартысевич И. Д. Указ. соч. С. 136.

¹⁶ Греков Б. Д. Указ. соч. С. 429.

¹⁷ Федорова А. Н. Определение понятия правонарушения по Псковской судной грамоте // Вектор науки ТГУ. 2010. № 1 (11). С. 150.

Безусловным достижением Псковской судной грамоты является применение мер юридической ответственности только при наличии вины. Эта новация не только пресекла возможности для лиц, занимающих высокое положение в обществе применять или не применять меры юридической ответственности по своему усмотрению, из соображений дружбы или вражды, личной заинтересованности, но и стала аксиомой для последующего законодательства и правоприменения в нашем государстве

Таким образом, Псковская судная грамота не только принципиально изменила трактовку понятия «преступление» и ввела преступления против государственной власти и порядка управления, но и серьезно видоизменила юридический состав правонарушения по сравнению с периодом существования Древнерусского государства, что можно связать с развитием и усложнением общественных отношений, очередным этапом становления государственности на Руси.

Преодоление периода феодальной раздробленности стало важной вехой в истории нашего государства. На первый план ставится потребность создания единого централизованного государства. Однако «юридическое наследие» периода феодальной раздробленности выразилось в наличии множества отдельных законодательных актов. Существование в этот период времени значительного числа законодательных актов не отвечало задачам создания единого Русского централизованного государства¹⁸. Все эти и многие другие обстоятельства повлекли за собой создание единого кодекса общерусского права.

Как справедливо отмечает И. В. Попрядухина: «Именно при Иване III (1462—1505 гг.) процесс централизации вступил в решающую фазу... При Иване III формируются прообразы центральных судебно-исполнительных органов и профессионального слоя их служащих — дьяков. Наконец, закономерным итогом этой бурной объединительной деятельности яви-

лось создание первого общерусского Судебника, установившего единообразные правила судопроизводства и единые для всей государственной территории правовые установления о правонарушениях и мерах юридической ответственности»¹⁹.

Анализируя процесс изучения Судебника 1497 г., исследователи справедливо отмечают, что с самого начала его изучения сложились две противоположные оценки этого источника права.

Согласно первой точке зрения Судебник представляет собой собрание законоположений, принятое по инициативе великого князя и коренным образом изменившее всю систему уголовно-правовых норм. Так, Н. Л. Дювернуа оценивал Судебник как продукт великокняжеской воли: «...хотя московский Судебник представлял собой ту форму объективного права, которая составляет вторую ступень его развития, закон, но в то же время это закон был не столько новым возрастом, которого достиг прежний обычай, сколько смелой попыткой московского князя создать правый суд своим указом. Московский князь рассчитывал, его что бояре, по его приказу, станут судить справедливо, а не по страсти (он велит судом не мстить, ни дружить никому)»²⁰.

Вторая точка зрения исходит из того, что Судебник представлял собой систематизацию, обобщение уже известных, существовавших на тот момент источников права. Так, В. Н. Латкин отмечал, что «Судебник — свод не новых, а старых узаконений»²¹.

Совершенно очевидно, что данные точки зрения не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга и ни одну из них не стоит абсолютизировать. Бесспорно, на содержание Судебника 1497 г. большое влияние оказали Русская Правда и Псковская судная грамота. Так, если Русская Правда выделяла убийство в ссоре и в разбое, то Судебник 1497 г. говорит о «хитростных» и «безхитростных» деяниях. Так же как и Русская Правда Судебник 1497 г.

¹⁸ *Марышев Р. Ф., Федотов В. А.* История отечественного государства и права. Источники права : Судебники 1497 г. и 1550 г. Н.Новгород, 1998. С. 3.

¹⁹ *Попрядухина И. В.* Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : автореф. дис. ... к. ю. н. Тольятти, 2012. С. 3.

²⁰ *Дювернуа В. Н.* Источники права и суд в Древней России. СПб., 1869. С. 287.

²¹ *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890. С. 55—56.

важное внимание уделяет месту совершения преступления в качестве квалифицирующего признака. Судебник 1497 г. продолжил традицию, заложенную Псковской судной грамотой. Он расширил перечень преступлений против государства, выделил в качестве специальных субъектов преступления должностных лиц.

В то же время Судебник 1497 г. внес ряд новаций в предшествующие нормы уголовного права и процесса: совершенствование понятия преступления, выделение специальных субъектов преступления, выделение новых видов преступлений против государства. Как справедливо пишет И. Д. Беляев: «Судебник в делах по татьбе, разбою, душегубству, ябедничеству и другим преступлениям представляет собой совершенно новый, неизвестный прежде взгляд на преследование уголовных преступников. Он назначает наказание не по качеству самого преступления, а по степени виновности преступника, т.е. смотря по тому, первый или не первый раз уличается в преступлении преступник»²².

Судебник 1497 г. — типичный кодекс феодального права. Большая часть статей Судебника содержала нормы уголовного права, уголовного процесса, регулировала вопросы судоустройства, отразив существенные изменения в карательной политике государства²³. Существенные изменения происходят в трактовке законодателем понятия «преступление».

Под преступлением теперь понимается не только нанесение материального и морального ущерба «обида», но и нарушение установленных норм, предписаний, а также воли государя. Таким образом, мы можем утверждать, что данное понятие «вобрало» в себя частноправовой взгляд Русской Правды, конкретизировало преступление как общественно опасное деяние по Псковской судной грамоте и внесло в это понятие более четкий классовый смысл.

Судебник 1497 г. представляет собой новую веху в эволюции русского средневекового права и, в частности, законодательства о преступлениях против государственной власти²⁴. Таким образом, Судебник 1497 г., с одной стороны, продолжает традицию, заложенную Псковской судной грамотой, которая намечает преступления против государства, с другой — значительно расширяет группу этих преступлений и четко отделяет их от других преступлений.

Продолжая традицию Русской Правды и Псковской судной грамоты, Судебник 1497 года важное значение придает таким элементам объективной стороны правонарушения, как место и время совершения деяния. Так, нарушение межи земель князя, боярина и монастыря выступало квалифицирующим признаком и влекло за собой более строгое наказание, чем нарушение межи земель между крестьянами (ст. 62)²⁵.

Судебник 1497 г. уделяет значительное внимание объекту правонарушения, в некоторых случаях различает виды преступлений в зависимости от определения объекта²⁶. Наиболее отчетливо мы можем это видеть в разграничении видов татьбы на простую и квалифицированную и различии мер ответственности, назначаемых за их совершение. Из других составов деяний, направленных против собственности, особенно выделяется право собственности на землю. Так, статьи 62 и 63 акцентируют внимание на случаях нарушения межи земельных участков, принадлежащих великому князю или крупным феодалам²⁷.

Судебник 1550 г., утвержденный на заседании Боярской думы (точная дата принятия не установлена), по словам царя Ивана Васильевича, представлял собой «исправление прежнего Судебника, приновривленное к современным потребностям общества и к старым русским узаконениям, которые были опущены при создании прежнего Судебника»²⁸.

²² Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1884. С. 416.

²³ Титов Ю. П. Указ. соч. С. 75.

²⁴ Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : монография. Самара, 2011. С. 57.

²⁵ Судебники Русского государства. Горький, 1939. С. 22.

²⁶ Попрядухина И. В. Объект правонарушения по Судебнику 1497 г. : монография. Тольятти, 2011. С. 134.

²⁷ Судебники Русского государства. С. 22.

²⁸ Лоба В. Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV—XVI веков // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 28.

В текстах обоих Судебников отсутствуют нормы, четко определяющие признаки субъекта преступления: вменяемость, достижение установленного уголовным законом возраста, а также вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних²⁹.

Кроме того, продолжая традицию Судебника 1497 г., Судебник 1550 г. особое внимание сосредотачивает на специальных субъектах, к которым также относит судебных должностных лиц. Но, как уже было отмечено, устанавливает для судебных должностных лиц материальную и уголовную ответственность.

Для объективной стороны правонарушения, так же как и в Судебнике 1497 г., характерно совершение противоправных деяний путем действия. При этом значение придается квалифицирующим признакам объективной стороны. Например, статья 89 Судебника 1550 г. говорит об «убийстве крестьянина на поле в разбое или в ином котором лихом деле»³⁰. Так же как и предыдущее законодательство, Судебник 1550 г. в случае соучастия четко не разделяет виды соучастников, но при этом мера ответственности определяется исходя из степени вины и фактического участия в учиненном деянии.

Таким образом, судебники Московского государства сделали значительный шаг в раскрытии категории «правонарушение» по сравнению с Русской правдой и Псковской судной грамотой: не только отошли от частноправовой трактовки понятия «преступление» и развили понимание преступления как общественно опасного деяния, но и внесли в его понятие более четкий классовый смысл; расширили перечень видов преступлений против государства по сравнению с Псковской судной грамотой, которая выделяла только государственную из-

мену «перевету»; если Псковская судная грамота только один раз упоминала о преступлениях против судебной власти, то Судебники не только расширили перечень этих деяний и отделили непреднамеренную судебную ошибку от преднамеренного неправосудия, но и установили материальную и уголовную ответственность для судебных должностных лиц вплоть до отрешения их от должности, которое было бессрочным; в качестве имущественных преступлений стали четко выделяться квалифицированные виды татьбы — головная (кража людей) и церковная (кража любого имущества, принадлежащего церкви и монастырям).

Судебники Московского государства заложили ряд важнейших постулатов в области уголовного права и процесса, которые в дальнейшем развивались другими памятниками права на территории нашего государства и в первую очередь Соборным Уложением 1649 г.

Таким образом, с IX по XVI века понятие «правонарушение» серьезно эволюционировало. Этот длительный период развития отечественного права можно охарактеризовать как борьбу частноправового начала с публично-правовым. Едва ли можно утверждать, что эта борьба закончилась уверенной победой одной из сторон. В результате многих трансформаций русское законодательство смогло достичь сравнительного баланса между преступлениями против личности и преступлениями против государства настолько, насколько это позволяли специфические условия местного феодализма. Несомненно, что метаморфозы, произошедшие с понятием «правонарушение» в указанный период будут учтены в ходе дальнейших кодификаций, например при составлении Соборного уложения Алексея Михайловича и Воинского устава Петра I.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Беляев И. Д.* Лекции по истории русского законодательства. — М., 1884. — 588 с.
2. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — СПб.—Киев, 1909. — 699 с.
3. *Греков Б. Д.* Правда Русская. — М., 1947. — 862 с.
4. *Дювернуа В. Н.* Источники права и суд в Древней России. — СПб., 1869. — 416 с.
5. *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. — СПб., 1890. — С. 55—56.

²⁹ *Таганцев Н. С.* Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. СПб., 1872. С. 19.

³⁰ Судебники Русского государства. С. 44.

6. Лоба В. Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV—XVI веков // *Философия права*. — 2015. — № 5 (72). — С. 28—33.
7. Мартысевич И. Д. Псковская судная грамота. Историко-юридическое исследование. — М., 1951. — 208 с.
8. Марышев Р. Ф., Федотов В. А. История отечественного государства и права. Источники права : Судебники 1497 г. и 1550 г. — Н. Новгород, 1998. — 70 с.
9. Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : автореф. дис. ... к. ю. н. — Тольятти, 2012. — 34 с.
10. Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года : монография. — Самара, 2011. — 146 с.
11. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. М., 1908. — 813 с.
12. Собинникова В. И. Псковская судная грамота — памятник русского литературного языка. — Воронеж, 1990. — 190 с.
13. Судебники Русского государства. — Горький, 1939. — 56 с.
14. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. — СПб., 1872. — 159 с.
15. Титов Ю. П. История государства и права России. — М., 2012. — 554 с.
16. Федорова А. Н. Правонарушение и юридическая ответственность по Русской Правде : дис. ... к. ю. н. — Тольятти, 2005. — 192 с.
17. Федорова А. Н. Определение понятия правонарушения по Псковской судной грамоте // *Вектор науки ТГУ*. — 2010. — № 1 (11). — С.148—151.
18. Хачатуров Р. Л. Русская Правда. — Тольятти, 2002. — 159 с.
19. Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. — СПб., 1855. — 199 с.

Материал поступил в редакцию 14 марта 2016 г.

EVOLUTION OF THE CATEGORY OFFENSE FROM THE 9TH TO THE 16TH CENTURIES

YEGOROV Aleksandr Aleksandrovich — Postgraduate student of the Department of Theory of the State and Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Egorov.a90@mail.ru

123995, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d.9

Review. *The paper explores the process of evolution of such critical aspects of the category of an offense as the concept of an offense, types of offenses and the elements of an offense from the 9th to the 16th centuries in the context of the most important landmarks of law of that historical period, namely: Russkaya Pravda (eng. Ruthenian Justice or Rus Truth), Pskovskaya Sudnaya Gramota (eng. Pskov Court Charter) and Law Codes of the Moscow State.*

Keywords: *concept of an offense, types of offenses, subject of an offense, mental element of an offense, physical element of an offense, object of an offense.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Beljaev I. D. Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva. — М., 1884. — 588 с.
2. Vladimirskij-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — SPb.—Kiev. 1909. — 699 с.
3. Grekov B. D. Pravda Russkaja. — М., 1947. — 862 с.
4. Djuvernua V. N. Istochniki prava i sud v Drevnej Rossii. — SPb., 1869. — 416 с.
5. Latkin V. N. Lekcii po vneshnej istorii russkogo prava. — SPb., 1890. — С. 55—56.
6. Лоба В. Е. Понимание преступлений и наказания по Судебникам XV—XVI веков // *Философия права*. — 2015. — № 5 (72). — С. 28—33.
7. Martysевич I. D. Pskovskaja sudnaja gramota. Istoriko-juridicheskoe issledovanie. — М., 1951. — 208 с.

8. *Maryshev R. F., Fedotov V. A.* Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava. Istochniki prava : Sudebniki 1497 g. i 1550 g. — N. Novgorod. 1998. — 70 s.
9. *Poprjaduhina I. V.* Pravonarusheniya i juridicheskaya otvetstvennost' po Sudebniku 1497 goda : avtoref. dis. ... k. ju. n. — Tol'jatti, 2012. — 34 s.
10. *Poprjaduhina I. V.* Pravonarusheniya i juridicheskaya otvetstvennost' po Sudebniku 1497 goda : monografija. — Samara, 2011. — 146 s.
11. *Samokvasov D. Ja.* Kurs istorii russkogo prava. M., 1908. — 813 s.
12. *Sobinnikova V. I.* Pskovskaja sudnaja gramota — pamjatnik russkogo literaturnogo jazyka. — Voronezh, 1990. — 190 s.
13. Sudebniki Russkogo Gosudarstva. — Gor'kij, 1939. — 56 s.
14. *Tagancev N. S.* Issledovanija ob otvetstvennosti maloletnih prestupnikov po russkomu pravu i proekt zakonopolozhenij ob jetom voprose. — SPb., 1872. — 159 s.
15. *Titov Ju. P.* Istorija gosudarstva i prava Rossii. — M., 2012. — 554 s.
16. *Fedorova A. N.* Pravonarushenie i juridicheskaya otvetstvennost' po Russkoj Pravde : dis. ... k. ju. n. — Tol'jatti. 2005. — 192 s.
17. *Fedorova A. N.* Opredelenie ponjatija pravonarusheniya po Pskovskoj sudnoj gramote // Vektor nauki TGU. — 2010. — № 1 (11). — S.148—151.
18. *Hachaturov R. L.* Russkaja Pravda. — Tol'jatti, 2002. — 159 s.
19. *Jengel'man I. E.* Sistematicheskoy izlozhenie grazhdanskih zakonov, sodержashhihsja v Pskovskoj Sudnoj gramote. — SPb., 1855. — 199 s.